

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина

ВЕЛИКИЙ ОБРАЗ

Мне поручено сыграть на сцене роль В. И. Ленина...

Искусство оперирует образами. Живописец пользуется полотном, углем и красками, скульптор оживляет камень, поэты и писатели действуют словом, а сценический образ создается живым человеком — актером.

Мы знаем, что основное в актерском творчестве — органически освоить внутренний мир героя и жить искренне его мыслями, чувствами и желаниями. Это основа основ, без этого нет сценического образа. Следовательно, главное внимание актера сосредоточивается на этом. Но во время действия на сцене в образе популярной исторической личности актер должен уделять большое внимание и на внешние его характерные особенности.

Еще до начала непосредственной работы над ролью я вел большую подготовку, органически осваивал некоторые движения Ильича, его походку. Поставил перед собой задачу: освоить их так, чтобы они стали моими собственными, и во время действия на сцене я не думал о них. С той же целью просмотрел документальные и художественные фильмы о Ленине. Понять сущность образа вождя мне особенно помогла серия скульптурных портретов Владимира Ильича, так называемая «Лениниана», созданная талантливым художником Николаем Андреевым.

Понять до конца такое гигантское явление, как Ленин, — задача неизмеримо трудная. Но я все же, в меру моих возможностей, старался понять сущность великого образа. Изучал жизненный путь Ильича, перечитывал его основные произведения. Знакомился с воспоминаниями М. И. Ульяновой, Г. М. Крижижановского, А. В. Луначарского, П. М. Керженцева и других. Хотелось сказать о произведении М. Горького «Владимир Ильич Ленин». Когда читаю горьковский очерк, чувствую живой образ Ильича. Вот он здесь где-то, около меня, слышу его голос, его дыхание, характерные «гм-гм» с различными оттенками, вижу его улыбку, сократовский лоб, вижу, как поблескивают его лукавые глаза, вижу его энергичные движения. Чувствую, как будто он разговаривает со мной. Через какое-то время я сливаюсь с ним. Сижу ли дома, иду ли по улице, вхожу ли в театр, разговариваю ли с друзьями — стараюсь не расставаться с этим дорогим образом.

При изучении основных произведений Ильича я обнаружил недостаточность своей теоретической подготовки. Особенно это почувствовал, когда читал «Материализм и эмпириокритицизм». Заявляю главному режиссеру постановщику Виктору Семеновичу Витту, что с моим кругозором я не имею морального права исполнять роль вождя. Он говорит, что я уже утвержден на роль Ильича, пьеса включена в репертуар, есть разрешение репетировать. Прикрепили ко мне философа... Я твердо решил учиться и, в конечном счете, закончил экстерном историко-филологический факультет Казанского педагогического института.

Одна сцена в пьесе очень трудно давалась. Она состояла из двух монологов по телефону. Репетировали кропотливо и долго. Но сцена все-таки не получалась. Это очень огорчило и режиссера, и меня. Наконец, Виктор Семенович нашел новую форму решения. Первый монолог — разговор с редактором газеты «Правда» об организации материалов из жизни фронта, о думах и чаяниях простых солдат.

Режиссер поставил задачу: сценически выразить процесс рождения этой мысли у Ленина. Теперь картина начинается так: Ленин сидит за столом и работает. На столе стакан с чаем. Он взял стакан, отпил глоток — чай остыл. Остывший чай напомнил встречу с солдатом Ша-

риним, — он ведь тоже хотел чайку, искал кипятка. Ленин внутренним взором отчетливо видит лицо Шадрина и произносит: «Солдат Шадрин». Вспоминает высказанные им мысли. Вдруг рождается идея. Глаза Ленина смотрят на телефон. Пауза. Он стремительным движением берет трубку, и начинается монолог. Эта «находка» оживила всю сцену.

Я уделял внимание речевым особенностям Ильича, слушал его выступления, записанные на грампластинки. Изучал интонационные особенности. Впоследствии эти особенности были мною перенесены на татарский, потом на башкирский языки. Ленин своеобразно произносил фонему «Р». Но перенести эту особенность на татарский и башкирский языки считал нецелесообразным, ибо на всех тюркских языках фонема «Р» встречается очень часто, что придавало бы речи Ильича нарочитую картавость.

Никогда не забуду первый выход на сцену в роли Ленина. Это было в Уфе. Все зрители встали и дружно аплодировали. Мне стало не по себе. Еле стою. Почва уходит из-под ног. Прислонился к матросу и замер. Сколько времени прошло, — не помню, казалось, очень долго. Наконец, взял себя в руки и начал сцену встечи с солдатом Шадриним.

Зрители так восторженно приняли меня не потому, что моя работа была совершенна. Нет. Дело в том, что все угнетенные народы бывшей царской России очень высоко чтят Ленина, ибо только ленинская партия, революция, руководимая Ильичем, избавили их от векового угнетения, они стали равноправными членами нового государства. Поэтому одно имя его вызывает неистовый восторг. А тут, представьте себе, выходит актер на сцену в облике любимого народом человека.

Нариман Нариманов пишет об особой популярности Ильича у народов Востока,

время гражданской войны. Первые советские пьесы — «Кровавые дни», «Первый шаг» написаны в 1918 — 1919 годах комиссаром Шамилем Усмановым, и они шли с огромным успехом на сценах театров I и V армий Восточного фронта.

Мне пришлось выступить в роли Ленина перед деятелями Коминтерна (во время Отечественной войны Коминтерн был эвакуирован в Башкирию). Весь зал встал и дружно аплодировал. Спектакль шел на башкирском языке. Может быть в зале никто не владел этим языком — все понимали сердцем. Здесь я чувствовал глубокое уважение со стороны представителей всех народов мира к образу Ильича, чьи гениальные мысли озаряли им путь к светлому будущему. Все народы мира считают его своим близким человеком. Эту мысль превосходно выразил поэт Хасан Туфан:

Я к забитому, темному,
нищему люду
Шел, минуя страны
рубежи.

И у самого темного
спрашивал всюду:
— Знаешь, кто это Ленин?
Скажи...

— Ленин — друг,
— Ленин — брат,
— Ленин — вестник
свободы и хлеба.

— Ленин — щит
бедняков, —
отвечали мне, где бы я ни
был.

Каждый Ленина в сердце
хранил,

Лишь афганец немой
показал мне на небо:

Молча Ленина с солнцем
сравнил.

Всем он близок — без
национальных делений,

Всем, кто пробовал пота
вкус.

Да, кого я не спрашивал:
— Кто это Ленин?

Ни один не ответил, что
он рус.

(Перевед Р. Моран)

Ленин всегда говорил об умении находить основное звено в цепи. Одно из основных звеньев современности — это воспитание подрастающего поколения в духе интернационализма. Чтобы избежать ошибок в этом вопросе, следует тщательно

испытывших всю горечь колониального гнета. Он заведовал ближневосточным отделом Народного комиссариата иностранных дел. Однажды принимает он мунду из Афганистана. Во время беседы говорит тот Нариманов:

— Будьте любезны, покажите мне Ленина, этого пророка.

— Что вы говорите, хазрат, какое неслыханное святотатство! Ведь в коране сказано, что после Магомета не будет пророка.

— Нет, — отвечает мунда, — не говорите так. — Такую заботу о народах может проявлять только истинный пророк.

Ленинская национальная политика оказала такое воздействие, что, за малыми исключениями, вся интеллигенция ранее угнетенных наций пошла на службу революции. Например, все татарские актеры обслуживали части Красной Армии во

изучать заветы Ильича по национальному вопросу.

Благожелательные зрители тепло встретили созданный мною образ. Но работа моя продолжалась. Ведь никакой художник не может выразить всю глубину и многогранность этой великой личности. Ленин — это огромное, необъятное. Если актеру удастся ярко выразить некоторые основные черты его характера и оставить глубокое впечатление у зрителей, это — большое творческое счастье. Я стремлюсь к этому, мечтаю выступить в образе Владимира Ильича еще раз, но уже в пьесе, созданной татарским драматургом. Есть все основания, что такое произведение будет создано.

Г. ШАМУКОВ.

Народный артист РСФСР и ТАССР, заслуженный артист БАССР.

На снимке: Г. Шамуков в роли В. И. Ленина в спектакле «Кремлевские куранты».